

Стрелки без часов проще перевести

Воскресенье, 22.09.01 - 27.09.01 - 30.09.01 - с. 10
Кинопровокация Владимира Наумова

Новый фильм Владимира Наумова «Часы без стрелок» — перемонтаж предыдущего, несостоявшегося фильма «Тайна Нардо, или Сон белой собаки», включены также кадры из «Белого праздника» и «Легенды о Тиле». Большинство критиков удивлено этим обстоятельством. На наш взгляд, полная откровенность многочисленных автоцитат — существенное достоинство «Часов без стрелок», которое во многом делает фильм предметом для обсуждения. Ведь ни на миг не забывается огромный режиссерский опыт Владимира Наумова, в то время как если бы это был киномонтаж свежего вгиковского выпускника, кто-то да удосужился бы отнести его к бесконечным претенциозным студенческим символическим экзерсисам и с водой выплеснул бы младенца.

Символизм, конечно, присутствует, а он всегда — на любителя. Не все любят потрещать под рюмку водки с чужим соседом из поезда. Тем не менее в фильме нищие у костра торгуют картиной Брейгеля, которую опознает подсевший к ним Смоктуновский, больше в кадре не появляющийся. Генный опознал гения, чтобы уйти навсегда из последней своей роли. Вместо него стоит старик и держит часы без стрелок: якобы время в старости не тикает, а спрятано внутри часов. Танцуют причудливые бомжи, среди которых Борис Шербаков, Анатолий Ромаши, Людмила Савельева и присоединяющийся позднее Александр Панкратов-Черный. Масса ассоциаций, связанных с каждым из этих известных лиц, вкуче дает намек на славные долгие годы хороше советского кино, которое как бы выброшено на свалку. Частью — цитаты, частью — досемки, все эти символы именно набраны из разных мест, не имея общего знаменателя.

Столь же случайно, и Наумов этого не скрывает, влетают в его картинную галерею отношения героев Натальи Белохвостиковой и Валентина Гафта. Она — богатая вдова в траурной вуалетке, он — напоминает Юрия Рост с его «конюшней». Он сообщает, что муж ее был убит, она хочет отомстить, но кому мстить — неизвестно. Пытается нанять киллера, Армена Джигарханяна, чтобы убить убийцу. Неизвестные власти пытаются убить киллера, он их опережает и

убивает их собственного киллера. Потом все-таки убивают его. Потом заодно убивают и Гафта, который все раскопал. Но генеральным заказчиком все равно оказывается Наумов, наконец-то входящий в кадр и пьющий в нем коньяк.

Идея о неизвестности бульдогов, бьющихся под ковром, не нова так же, как известие, что в конечном итоге всех убил режиссер. В кинематографе этим лет сорок назад промышлял Годар. Ново в «Часах без стрелок» абсолютное, принципиальное безразличие ко всем на свете идеям, связям, людям и отношениям. Когда Белохвостикова на фоне старинных гобеленов и мраморных полов произносит: «Уйдите», — следует пауза.

Когда Гафт отвечает, что всего лишь хочет сфотографировать ее на фоне окна, тоже следует пауза. Когда она кричит: «Здесь нет окна!!! Здесь нет окна!!!» — игра слов начинает главенствовать в кадре не меньше, чем смерть мужа героини Белохвостиковой.

Люди здесь — детали интерьера, любой текст произносится самодостаточно, символический фон берет каждый миг в рамку. То есть многозначительно все подряд — слова, интонации, лица, события, далее — собаки на лежанках и шлюхи на руках. Но многозначительно все по отдельности, как бы «по мигам». Ничто ничему не нужно.

Этот глобальный пафос Владимира Наумова подтвердится и проходным цитирова-

нием работ Леонардо да Винчи, и проездом паровоза через стену, и все-таки установлением связи между бомжами, часами и Белохвостиковой. Отношения так же «набраны», как аллегорические картины. Нет общего знаменателя между лихими проездами по реальной ночной Москве и статуарными аллегориями. Он тоже, в общем, не нужен. Когда это безразличие является глобальным пафосом, акцент просмотра переходит с содержания фильма на сам факт его появления.

Фильм — экранизация чьей-то памяти, необязательно лично наумовской, о которой и рассуждаешь в течение двух часов хронометража. Чья-то память весьма велика и не принадлежит младенцу. Наполнена зна-

нием разных культурных, политических и человеческих феноменов, анекдотами и секретами. Человек с большой памятью парадоксальным образом не имеет никакого опыта. Не может связать ничего ни с чем, поскольку все его знание совершенно случайно. Все случайно в его долгом бытии, кроме, пожалуй, живописи. Когда-то он любил чужую живопись, впрочем, без особого приложения сил, придания смысла, выражения эмоций — любил перебирать открытки. Режиссерски «Часы без стрелок» имеют что-то общее с поэзией Льва Рубинштейна. Правда, Рубинштейн начинал с того, что осмыслил свою «открытость», здесь же самозататы говорят о ее итоговом характере.

Поэтому для посторонних такая бесхозная память сводится к строчке другого поэта — Пушкина в «Сцене из Фауста». «Всех утопить». Дело в том, что на зрителя, как оказалось, действуют в фабуле фильма только три эпизода. Как убивают Гафта — мелодраматически, с вдруг откуда-то появившейся дыркой на белой рубашке у двери машины в Охотном ряду. Как убивают Джигарханяна — драматически, обреченно, с единственной нервной реакцией Белохвостиковой. Как убивает сам Джигарханяна незадолго перед тем — эротически-детективно, с хорошо продуманным анонимным сексом в автобусе. В чисто живописной памяти можно лишь топить всех, мочить всех, но только не в сортире, а с удовольствием для глаз.

В то же время фильм — констатация полного отсутствия опыта для человека с таким режиссерским опытом, как Владимир Наумов, значит и кое-что иное. Здесь и сейчас он решил спровоцировать ситуацию отсутствия «здесь и сейчас». Когда все — равно, каждый выберет, во что верит, но как раз тут Наумов и предоставил неограниченные возможности. Судя по фильму, нельзя не признать, что в реальной ночной Москве или в аллегорическом средневековоподобном хороше, в молодости и старости, в богатстве и бедности можно начать жить сначала, с новым именем, с чистого листа. Жизненный опыт приложится, никуда не денется, только целее будет. С этим мнением можно спорить, пренебрегать им нельзя.

Наталья Белохвостикова и Армен Джигарханян

Катерина ТАРХАНОВА